

Ю. Ю. Трубникова

Екатеринбург

СПЕЦИФИКА МИФОТВОРЧЕСТВА В РОМАНЕ А. КАВАН

«ЛЁД»: ПРИРОДА КАК ЗЕРКАЛО ЖЕНСКОЙ ДУШИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: женское мифотворчество, женский модернизм, А. Каван, Персефона, насилие.

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается проблема женского мифотворчества на примере романа «Лёд» представительницы британского модернизма А. Каван. Анализ мифологемы похищения Персефоны показывает тесную взаимосвязь женского и природного начал в романе «Лёд», в особенности при раскрытии писательницей темы насилия.

Yu. Yu. Trubnikova

Ekaterinburg

THE FEATURES OF MYTH-MAKING IN A. KAVAN'S NOVEL

«ICE»: NATURE AS A MIRROR OF A WOMAN'S SOUL

KEY WORDS: Women's myth-making, Female Modernism, A. Kavan, Persephone, violence.

ABSTRACT: The article deals with the issue of women's myth-making in British modernist writer A. Kavan's novel «Ice». The interpretation of the myth of abduction of Persephone demonstrates the close relationships between feminine and natural environments in the novel «Ice», particularly when the writer touches on the themes of violence.

Анна Каван (1901–1968) – представительница женского модернизма, автор 17 романов и сборников рассказов. «Незамеченная» британская писательница была фигурой загадочной и маргинальной, не примыкавшей к какому-либо конкретному течению модернизма. «Корпус произведений, оставленных малопонятной сейчас британской модернисткой, разворачивает постоянный поиск писательницей собственной идентичности, или сотворение личной мифологии, или же – демонологии, что произойдет позже в её творческом развитии» [3]. Роман «Лёд» (1967), одно из наиболее известных её произведений, впервые переведен и опубликован в России в 2010 году в журнале «Иностранная литература» № 6.

Феминистские исследования включают Анну Каван в проблемное поле

«женского» модернизма, и одним из возможных продуктивных методов исследования данного феномена нам представляется обращение к идеям теоретиков концепции «женского мифотворчества». Женское мифотворчество предполагает следующие ключевые моменты:

1) Э. Лаутер [1] подчеркивает в женском творчестве ревизионистский характер подхода к известным мифологемам, в особенности тем, которые закреплены в культуре как мужская парадигма (например, поиски Святого Грааля);

2) Э. Пратт [2] выделяет три специфических «женских» архетипических сюжета, которые не характерны для патриархальной культуры: мифологема умирающей и воскресающей богини (мифы о Деметре и Персефоне, Иштар и Таммузе), легенды о

Граале позднего Средневековья и колдовские ритуалы;

3) существует некий общий «женский» мифологический сюжет, который только формируется – он заключается в раскрытии родства женщины и природы.

Таким образом, женская проза становится актом возрождения утраченных патриархальной культурой женских ритуалов и женских смыслов, связанных с природным миром. Поэтому взаимоотношения женской души и природного начала в настоящем исследовании рассматриваются через анализ архетипа умирающей и возрождающейся богини Персефоны, олицетворяющей силы природы.

В сумеречном мире романа «Лёд» безымянные герои (девушка, её первый муж-художник, герой-повествователь и правитель) перед лицом апокалипсиса вовлечены в странную любовную историю. В то время как мир накрывает ледяная стена, девушка пытается спастись от своих преследователей, желающих обладать ею: жестокого правителя мёртвого города и своего бывшего жениха, испытывающего мучительные галлюцинации, от лица которого ведётся повествование.

Сюжет романа А. Каван имплицитно опирается на мифологему о похищении Персефоны, параллели к которой обнаруживаются на разных уровнях произведения:

- 1) система характеров: девушка (Персефона), мать (Деметра), герой-повествователь, первый муж девушки и властитель соотносятся с Гадесом;

- 2) сюжет: «похищение» девушки как повторяющаяся ситуация изнасилования;

- 3) идейный пафос: женщина и природа как сосредоточие витальной силы и созидательности (Деметра и Персефона – олицетворение плодородия, цикличности времен года) → насилие над природой и женственностью оборачивается мировой катастрофой;

- 4) пространство: образ мира как дна преисподней задаёт этическое измерение (отсылка к ледяному озеру Коцит из «Божественной комедии» Данте, где пребывают души предателей величества земного и небесного).

Персефону в мифе вероломно похищает властитель ада Гадес. Героиня романа, девушка, неоднократно становится жертвой насилия – всякий раз ею распоряжаются будто вещью, которой можно только лишь обладать. Мужская парадигма романа характеризуется семантикой разрушения всего живого, как при помощи научных экспериментов, так и в повседневной жизни превращая естественные человеческие связи в некоторое подобие ролевой игры «охотник – жертва». Поэтому тема насилия как подлинной сущности «созидательной» деятельности мужчин в виде установления власти, управления миром, ведения войн, исследования планеты, последовательно раскрывающаяся в романе, становится ключевой для объяснения апофатически невыразимой энергии апокалипсиса. «Итогом свершением человечества станет не просто самоуничтожение, но уничтожение всякой жизни; была живая планета, станет мертвая» [4. С. 106]. Силы природы взбунтовались против человечества, утратившего с ней связь, и, соответственно, связь со своей душой (предательство человеческой сущности): ледяная стена накрывает мир. В свою очередь, состояние женской души, истерзанной насилием, перекликается с состоянием природы и сродни анабиозу: бесплодный мир белого безмолвия, больше похожий на иллюзию, чем на реальность, скрывает погруженность в себя, «незримые» процессы, и отражает отсутствие стремления к жизни.

Драма женской души в романе А. Каван не ограничивается страданиями, связанными с мужским насилием. В мифе сила материнской любви Деметры, богини плодородия, скорбящей по дочери и обиженной на богов, помогает вызволить Персефону из Аида, т. к. «разгневанная понесенной утратой, богиня не давала посевам прорасти и поклялась, что ноги ее не будут на Олимпе и побеги не прорастут до тех пор, пока ей не возвратят дочь» [6. С. 415]. С одной стороны, мифологический сюжет объясняет природные циклы. С другой, иллюстрирует неразрывную, задушевную связь матери и дочери. В исследовании Дж. Дж. Фрэзера «Золотая ветвь» две бо-

гини словно сливаются, олицетворяя зерно – аналогию человеческой судьбы.

В романе мать девушки упоминается эпизодически как губительная сила, превратившая дочь в жертву (негативный аспект архетипа Коры-Персефоны). Вместо Деметры-спасительницы – «тёмное» воплощение авторитарной матери как «хищника» души. Проблема матери и дочери, как мы видим из текста, определенно имеет место быть, как и в мифологической ситуации, но её решение представляет противоположный вариант взаимоотношений, что соответствует творческому замыслу А. Каван, состоящему в стремлении показать различные формы насилия как единственной связи между людьми и катастрофические последствия такой установки. Разрушительный опыт взаимоотношений с матерью искалечил душу девушки, поэтому роль матери в романе отлична от роли матери в мифе о Персефоне. Получается, что некому спасти девушку-Персефону из подземного мира – нет матери, оплакивающей утраченную дочь, и мать-земля, соответственно, бесплодна и безмолвна: белый цвет духовной чистоты оборачивается белым цветом савана из снега и льда, покрывающего обреченный мир. В этом весь трагизм, выражающий безысходность человеческого существования и «задающий» соответственный финал романа.

Единственный способ вырваться из заколдованного круга повторения актов насилия – познать свою подлинность и стать свободной. Созидательное начало, тесно связанное с женским, проявляется, в организации девушкой «своего» пространства, когда ей удаётся убежать от преследователей: «В маленькой комнатке царил покой.

Морские ракушки умиротворяли, она чувствовала себя здесь в безопасности, это было единственное место на земле, которое она могла назвать своим домом» [4. С. 112]. Возможность осознать себя, найти живительные силы для существования в разрушенном мире, начиная с гармоничного устройства малого мира дома, такого важного в жизни женщины, возникает у девушки благодаря тому, что она обретает покой, в её мире нет разрушительных мужских импульсов доминирования, её окружают природные символы. Ракушка – водный символ женского начала и «решения, которое ищется в самом себе» [5. С. 364]. Этот символ открывает важнейшую идею трансформации души: чтобы родилось что-то новое и целостное, нужно разрушить и изжить в душе всё старое и мёртвое. В нашем случае девушка открывает созидательную природу женственности: она научилась доверять себе и другим, выстраивать личное пространство, открыла своё сердце, что получилось у неё без постороннего вмешательства, а наедине с собой. В новом состоянии девушка становится способной на союз с героем-повествователем, также прошедшим через трансформацию, – их странствие по планете завершается.

Связь женственности и природы в романе «Лёд» безусловна, поскольку содержит в себе нравственную сентенцию произведения, а также реализуется в архетипическом ядре мифологемы спуска Персефоны в ад. Насилие над природой и насилие над женственностью тесно переплетаются, становятся равнозначными и, будучи ярким выражением кризиса нравственности, приобретают масштабы неотвратимой мировой катастрофы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lauter E. *Women as mythmakers: poetry and visual art by twentieth-century women*. Bloomington: Indiana University Press, 1984.
2. Pratt A. *Archetypal Patterns in Women's Fiction // Jungian literary criticism / Ed. by Sugg. P. Evanston. Illinois: Northwestern University Press, 1992.*
3. Zambreno K. *Anna Kavan // Context 18*. 17 September 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dalkeyarchive.com/article/show/186>.
4. Каван А. Лёд / пер. Д. Симановского // *Иностранная литература*, 2010. № 6.
5. Кирло Х. Раковина // Кирло Х. *Словарь символов*. М.: Центрполиграф, 2010.
6. Фрээр Дж. Дж. *Золотая ветвь*. М.: АСТ: Астрель, 2011.